

Николай Александрович Бестужев

Трактирная лестница

Николай Бестужев

Трактирная лестница

«Public Domain»

1826

Бестужев Н. А.

Трактирная лестница / Н. А. Бестужев — «Public Domain», 1826

«Я путешествовал довольно по свету, и если обстоятельства не всегда были благоприятны для наблюдений над целыми странами, по крайней мере я не пропускал случаев рассматривать людей в частности, и редко проходило, чтоб наблюдение человека не было для меня поучительно. Таким образом, в одно из моих путешествий, я узнал замечательного старика, историю которого постараюсь рассказать здесь, как умею...»

© Бестужев Н. А., 1826

© Public Domain, 1826

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Николай Александрович Бестужев

Трактирная лестница

*I had baried one and all
Who loved me in a human shape;
And the whole carth would hencefort be.
A wider prison into me:
No child – ne sire – no kin had i,
No partner in my misery;*

Byron

*Все, что знавал, все, что любил,
Я невозвратно схоронил,
И в области веселой дня
Никто уж не жил для меня!
Без места на пиру земном,
Я... лишний гость на нем.*

Жуковский

Я путешествовал довольно по свету, и если обстоятельства не всегда были благоприятны для наблюдений над целыми странами, по крайней мере я не пропускал случаев рассматривать людей в частности, и редко проходило, чтоб наблюдение человека не было для меня поучительно. Таким образом, в одно из моих путешествий, я узнал замечательного старика, историю которого постараюсь рассказать здесь, как умею.

В 1815 году, когда ехал я морем в чужие края, мне надобно было остановиться на несколько дней в Копенгагене¹, который хотя и был мне известен, но за всем тем привлекал еще мое любопытство. Ничем не занятый, с утра до вечера бродил я по городу; или гулял по живописным окрестностям и любовался видом прекрасного Зунда. В королевский трактир, где была моя квартира, приходил я только для обеда и ночлега; за общим столом занимали меня путешественники всех наций, которые большею частию останавливались в сей столице для отдыха после морского пути, совершаемого ими в который-нибудь из портов Балтики, или оттуда в прочие части Европы; ввечеру я приводил в порядок в своем журнале мысли и замечания, сделанные в продолжение дневных моих бродяжничеств.

Комната моя была прямо против большой лестницы; рядом со мною жил дряхлый старик, которого каждое утро трактирный слуга вывозил на креслах с колесами к лестнице, увозил в комнату для обеда и после снова вывозил до вечера. Слуга, которого спросил я о нем, мог только сказать, что он знает его очень давно и что всякое утро ходит смотреть, не умер ли этот скучный старик, который, несмотря на то что платит хорошо за услуги, надоел всем в трактире своим единообразным поведением и молчаливостью. Хозяин знал не более; он сказал мне его имя, сосчитал богатство, говорил много; но со всем тем я ничего не узнал, ни кто он, ни почему избрал такой странный род жизни.

Этого, однако же, довольно было, чтобы возбудить любопытство: я начал наблюдать за стариком. Проживши несколько дней в трактире, я считал себя некоторым образом вправе с ним кланяться, как со знакомым; иногда сказать ему: доброе утро или похвалить погоду, и с удовольствием заметил, что участие живого существа ему было приятно. Датчане, как и все северные германские народы, не очень общежительны, и любопытство нельзя поставить им в порок. Скупость, эгоизм и жизнь каждого про себя делают то, что сосед боится поклониться

---

¹ ...мне надо было остановиться на несколько дней в Копенгагене... – в Копенгагене Н. Бестужев был в 1815 году («Записки о Голландии»).

соседу, чтобы не ознакомиться с ним короче, и часто люди, живущие друг подле друга всю свою жизнь, не только не знакомы, но даже не знают один другого по имени. По этому самому я был, может, единственный человек, приветствовавший учтиво старика, который, время от времени, привыкал ко мне более и более. Ему приятно было внимание чужестранца; кланяясь мне, он снимал теплый свой картуз и долго смотрел за мною вслед, не покрывая своей головы, с которой остатки белых волос вились редкими кудрями по плечам.

Физиономия его была приятна, но чрезвычайно печальна; часто по целым дням сидел он у лестницы, не примечая прохожих; но иногда какой-то признак улыбки сгонял туман бледного лица, и большие голубые глаза его оживлялись любопытством. Видно было, что он с особенным удовольствием смотрел на молодых людей: но при виде женщины черты его переменили выражение. Он смотрел в ту сторону, куда она проходила; взоры его останавливались в этом положении; голова склонялась на руку, и я часто, из своей комнаты, сквозь полурастворенную дверь видал, как он отирал слезы.

Наконец я принял в нем самое живое участие; начал чаще говорить с ним, даже сидеть вместе у лестницы. Со всем тем заметил, что он охотнее спрашивал, нежели отвечал на мои вопросы. В разговоре его много было ума и образования; и хотя он берег слова, но короткие вопросы и еще кратчайшие ответы имели в себе удивительную силу опыта и здравого рассудка. Понемногу он привык ко мне, любил слушать мои рассказы, любил спрашивать о моем отечестве; подсмотрев, что я веду журнал, любил, чтоб я прочитывал ему свои замечания; для меня это было незатруднительно, потому что, готовясь жить в Германии, я писал для практики журнал свой на немецком языке. Таким образом я доверялся, не требуя взаимной доверенности, и это был лучший способ выиграть ее.

Однажды, возвратясь с утренней прогулки, остался я после обеда, за дурною погодою, дома и, записав виденное мною в тот день, вышел к своему старику и сел с ним у лестницы.

– Вы писали? – спросил он меня. – Желал бы очень слышать сегодняшние ваши случаи.

– Охотно прочитаю, – сказал я, – сегодня для меня была приятная прогулка. – С этими словами я развернул тетрадку своего журнала и начал:

«Сентября 15 погода поутру прекрасная. Надобно было посетить академию художеств, где мне хотелось посмотреть работы славного Торвальдсена². Я обожегал все залы и нашел только одно его ученическое произведение: Амура и Психею. Оно изрядно. Чего же более для ученика? Другого ничего нет замечательного.

Я вышел за город по дороге, ведущей к королевскому зверинцу. С левой стороны рассыяны были прекрасные загородные домики, с правой Зунд катил свои светло-зеленые волны. Песчаная дорога вскоре утомила меня, и я, не дошед до зверинца, сел на камень подле самой воды. Легкие набеги струй спокойного моря взливались почти до ног моих и образовали во всю длину отлогого песчаного берега узкую черту прибитой травы, вымываемых камешков и раковин. Черта сердитого моря была выше на берегу и далеко за мною; видна была граница, до которой докатывались бурные волны; тут они оставляли обломки, обрывки снастей и пену своей ярости. Трава не смела расти на месте, подверженном их нападению; но далее за границей расцветали в безопасности и подорожник, и цикорий, и серебристая мать-и-мачеха. В проливе светлела вода, как зеркало; корабли, при западном ветерке, бежали в обе стороны на юг и на север. Множество лодочек, покачиваясь под парусами, бороздили воду во всех направлениях, будто гоняясь за тенью легких облаков, летевших по ветру и отражавших образ свой в гладкой поверхности моря, на которое изредка набегала мелкая рябь от ветерка, временно вырывавшегося из-за берега.

Каменистые холмы шведского берега и на нем Карлскрона были прямо предо мною и под золотыми утренними испарениями живописали всю картину. Облака летели над моею головою

---

² Торвальдсен Бертель (1768 или 1770–1844) – датский скульптор.

к востоку и скрывались за серым шведским берегом; я провожал их взорами, и мысли мои неслись вместе с ними к родине моей. Шелест волн, ласкавших к прибрежным камешкам, прелесть ландшафта, воспоминания, возбужденные мыслями об отечестве, погрузили меня в мечты; память перелетала от случая к случаю и с грустью остановилась на обстоятельстве, побудившем меня к путешествию. Я вспомнил и ласки надежды и вероломные обманы счастья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.